

**ОТ НЕЙТРАЛИТЕТА К ВОЕННОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ
(ПЕНЗЕНСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО
КОРПУСА В РОССИИ: 1918 Г.)**

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ РЫБКОВ

The article concerns the events of 1918 – the Penza period of history of the Czech-oslovakian Corps in Russia. It addresses how the tactics of the Corps have changed under the influence of military and political processes, as well as under the influence of central and local government agencies. It also addresses the rea-sons for why the Czechoslovakian Corps moved from the principle of neutrality to an open military conflict.

Key words: Czechoslovakian ěorps; Penza; the People’s Commissar L. Trotsky.

Продолжительное время в советской историографии проблема эволюции военно-политической тактики Чехословацкого корпуса не рассматривалась. Такой взгляд на проблему не вписывался в существовавший официальный концепт истории Гражданской войны в России, анализ выстраивался в рамках заданных схем, требовавших от исследователей соответствующих подходов, оценок и выводов. Поддерживалась удобная для партийных и государственных властей авторская позиция, выстроенная по принципу «кто не с нами, тот против нас». Исследования шли в русле таких сложившихся стереотипов, как «мятеж Чехословацкого корпуса положил начало полномасштабной Гражданской войне», «корпус – орудие Антанты и боролся за ее интересы», «корпус являлся опорой внутренней контрреволюции» и т. п. На этом фоне подлинные причины выступления Чехословацкого корпуса весной 1918 года, тактика действия его командования, характер отношений с органами советской власти – это и многое другое, к сожалению, оставалось за сферой внимания. Как справедливо высказывается российский историк В. А. Козлов, причины одностороннего взгляда в исторической науке следует искать за ее пределами. Исследователей побуждали показывать прошлое в сбалансированности с той политикой, которую проводил партийно-государственный аппарат¹.

Отчасти объяснением может служить недостаток источников. Многие материалы архивных фондов были неизвестны по причине своей недоступности, на целом ряде документов лежал «гриф секретности». Находившаяся под контролем государственной цензуры, органов коммунистической партии периодическая печать также слабо способствовала объективному и непредвзятому анализу. Не приветствовался альтернативный взгляд на историю Гражданской войны, анализ «белого» движения, его социальных сил и программы должен был ограничиваться упрощенными определениями типа «вражеский лагерь», «противники рабоче-крестьянской революции».

В последнюю четверть века ситуация изменилась. Начавшаяся реформа политической, социально-экономической жизни предполагала серьезные перемены по всем

¹ КОЗЛОВ, В. А.: *Историк и перестройка*. In: Бордюгов Г. А. – Козлов В. А.: История и конъюнктура. М. 1992, с. 16. См.: FIC, V. M.: *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918, II*. Brno 2007, с. 381–391.

направлениям, в том числе и научном. Историческая наука должна была дать ответы на многие выдвигавшиеся современной действительностью вопросы, а это становилось возможным при условии изучения прошлого опыта со всеми его противоречиями, вытекавшими из него уроков. Для анализа стало шириться историко-научное поле», по сути, в начале 1990-х годов произошла «архивная революция». Открылись некогда закрытые фонды, упразднилась государственная цензура, в научный оборот вошли новые источники. Из библиотечных фондов стала выдаваться в свое время запрещенная к прочтению литература. Все это в результате позволило восполнить многие пробелы в истории Чехословацкого корпуса в России.

В данной статье рассматривается история Чехословацкого корпуса в период его пребывания в Пензенской губернии. Как свидетельствуют источники, ход событий зависел, с одной стороны, от того, какую позицию занимали Чехословацкий Национальный совет, командование Корпуса, а с другой – от позиции советских властей всех уровней, их понимания сложившегося соотношения сил, правильной оценки ситуации. При этом надо думать, что тактический расклад в решающей степени зависел в первую очередь от указаний центральных органов власти. Излишне доказывать, особенно в условиях военного времени, важность согласованных действий всех властных структур (и центральных, и местных), их умения эффективно использовать свой политический, социально-экономический потенциал.

В связи с последним необходимо сказать о том, что представляла собой Пензенская губерния на тот период, когда разворачивались интересующие нас события. Это был аграрный регион с подавляющим большинством крестьянского населения. В начале Гражданской войны функционировали суконные, ремесленно-кустарные, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию предприятия, в основном малые по числу занятых работников и объемам выпускаемой продукции. В то же время из-за нехватки рабочих рук (еще в царской России было мобилизовано на войну рабочих из разных отраслей от 25% до 75%), финансовых средств бездействовало свыше 2,2 тыс. заводов и фабрик, в том числе 218 по металлообработке. Только за 1918 год в губернии было закрыто 211 различных производств².

Отметим и тот факт, что губернию периодически сотрясали социальные волнения, прежде всего крестьянские, из-за непосильной продовольственной разверстки, установленной большевиками, постоянной угрозы голода. В апреле 1918 года центром таких волнений стала деревня Ижмора Керенского уезда, а в конце лета того же года село Кучка Пензенского уезда и крупное селение Чембары. Везде крестьяне открыто выступали против большевистской политики в деревне. Например, в кучкинском восстании участвовали крестьяне 8 волостей. Всего же за этот период в губернии состоялось 27 антисоветских крестьянских восстаний, из них 14 по причине продовольственной политики большевиков³. Помимо того, что эти события сами по себе представляли большую угрозу для большевистской власти, опасность их заключалась и в близости Восточного фронта.

Как видим, губерния не отличалась социально-политической стабильностью, не располагала достаточными материально-техническими, людскими ресурсами, чтобы своими силами проводить какие-либо серьезные военные операции. Об этом

² Пензенская область за сорок лет Советской власти. 1917–1957. Пенза 1957, с. 7, 67.

³ Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. No. 27, 2012, с. 623–626.

свидетельствует и то, как решался вопрос организации местных военных соединений. Так, в начале января 1918 года 4-й общегубернский съезд постановил создать в каждой местности отряды красной гвардии. Ядром должны были стать представители рабочего класса, которых, однако, на тот момент насчитывалось не более 1 тыс. человек. Чтобы подтолкнуть это дело, в марте того же года в Пензе создается штаб Красной Армии, одной из задач которого являлось привлечение добровольцев в отряды местного гарнизона. Но и эта мера слабо помогала, войсковые части оставались неуккомплектованными.

В целом же к началу лета 1918 года в Пензе были дислоцированы пехотный полк, пулеметная рота, несколько артиллерийских батарей и латышских рот, небольшие рабочие отряды. Всего во всех военных формированиях насчитывалось около 2,5 тыс. слабо вооруженных бойцов⁴. Но и эти вооруженные силы приходилось периодически рассредоточивать по мере необходимости в разных местностях. Поэтому к началу выступления Чехословацкого корпуса в губернском центре находилось и того меньше воинских соединений. К тому же отсутствовало какое-либо профессиональное управление этими силами. В частности, старожил города Пензы, участник событий весны-лета 1918 года, Н.Ильин вспоминает: «Пензенский гарнизон был мал, состоял из мадыарской интернациональной роты, небольшого отряда пулеметчиков с 40 пулеметами, одного полка на 300 штыков, вооруженного устаревшими винтовками рабочего отряда, небольшой батареи. Всего же, с учетом подошедшей помощи, насчитывалось защитников города до 1,5 тыс. человек, у которых имелось 50 пулеметов и 6 орудий. Военного руководства как такового не было, действовали вразнобой»⁵.

Не могли оказать существенной военной помощи и соседние губернии, где отмечалась аналогичная ситуация. Показателен состоявшийся 26 мая 1918 года разговор по прямому проводу председателя Пензенского губернского Совета депутатов А.Е.Минкина с военным комиссаром Симбирской губернии Ивановым. На согласованную с Москвой просьбу об оказании помощи вооруженной силой последний ответил, что в сложившихся на данный момент условиях в состоянии направить полроты солдат-интернационалистов численностью не более 90 человек⁶.

На основании даже этих фактов можно говорить о том, что военный, социально-экономический потенциал Пензенской губернии являлся в тот период не настолько сильным, чтобы можно было успешно противостоять отмобилизованным, имевшим опыт ведения боевых действий отрядам Чехословацкого корпуса, исполнять во всем указания центральных властей и проводить крупные военные операции. В этой связи примечателен текст телеграммы председателя Пензенского губернского исполкома В. В. Кураева, которую он направил в начале июня 1918 года В. И. Ленину, после того, как Пензу взяли отряды чехословацких легионеров. В ней говорилось следующее: «Если бы военный комиссариат поинтересовался серьезнее соотношением сил, возможностью своевременной присылки помощи и прочего, то, может быть, того, что произошло, не было бы»⁷.

В свою очередь командование Чехословацкого корпуса не стремилось использовать свои военные преимущества с целью развязывания открытого вооруженного конфликта. Для них по-прежнему главной задачей оставалась эвакуация из революционной России, чтобы продолжить борьбу с австро-германским противником в целях построения

⁴ Пензенская энциклопедия. М. 2001.

⁵ Государственный архив Пензенской области, ф. Р-2, оп. 1, д. 164, л. 101.

⁶ Там же, ф. р-2, оп. 1, д. 164, л. 105.

⁷ Там же, ф. р-312, оп. 1, д. 606, л. 47.

независимого чехословацкого государства. Уже через два дня после прихода большевиков к власти, 27 октября 1917 года, командование Чехословацкого корпуса указывает своим подразделениям на то, что любое вмешательство во внутреннюю борьбу, выступление в этой борьбе на чьей-либо политической стороне для Корпуса «безусловно недопустимо»⁸. Необходимо поддерживать порядок, разъясняли legionерам военные руководители, всячески содействовать всему тому, что помогает продолжению борьбы со злейшим врагом чехословаков – австро-германцами⁹. На такой позиции командования, думается, сказывались также славянофильское и русофильское настроение многие legionеров, недавнее единение по оружию с русскими на фронтах 1-й мировой войны.

Не изменилась в принципиальной позиции Корпуса и по случаю начавшихся в Брест-Литовске переговоров советского правительства с Германией, Австро-Венгрией по вопросу заключения мира. В своем официальном заявлении от 25 января 1918 года лидеры Чехословацкого Национального совета подчеркивали неотступность от революционной борьбы «за право на самоопределение и государственную самостоятельность чехословацкого народа». Указывали и на тот факт, что в новых условиях Корпус на территории России выступает как составная воинская часть «автономной чехословацкой армии во Франции»¹⁰. Сознавая, что в лице России теряется вчерашний союзник в борьбе с австро-германскими силами, Национальный совет, командование Чехословацкого корпуса видели продолжение этой борьбы за пределами Российской Федерации. Отсюда по-прежнему в качестве главных оставались две задачи – сохранить людские силы, а также как можно быстрее добраться до Владивостока, откуда эвакуироваться в Европу.

Следовательно, логика развивавшихся событий в начале весны 1918 года никак не указывала на готовность Чехословацкого корпуса к какому-либо радикальному повороту в своих военно-тактических действиях. Напротив, прилагались усилия, чтобы остаться на позиции нейтралитета, не оказаться втянутым в водоворот Гражданской войны.

Об этом свидетельствует переписка комиссара Корпуса П.Максы с большевистским руководством Пензенской губернии, в частности – комиссаром В. В. Кураевым, состоявшаяся в марте-апреле 1918 года¹¹. Основным в ней выступало требование соблюдения со стороны советских органов ранее принятых обязательств: не разоружать на каждой очередной станции эшелоны legionеров до последней винтовки, помогать во время продвижения поездами, вагонами, топливом и продовольствием, обеспечить надежное сопровождение Корпуса по всему пути следования. Так, в послании П. Максы от 5 апреля сообщалось, что в Самаре и Уфе местными властями было выдвинуто требование о полном разоружении, при этом они ссылались на распоряжение Москвы¹². Аналогичное происходило на станциях Ртищево, Златоуст, Новониколаевск¹³ и др.

Со своей стороны командование Корпуса гарантировало продолжение выполнения условий договора от 26 марта 1918 года, подписанного представителями советского правительства, Чехословацкого Национального совета и Чехословацкого корпуса. Кроме того, оно допускало революционную агитацию среди legionеров силами чехословаков-интернационалистов, при этом соглашалось взять их под свою защиту. 8 апреля 1918 года

⁸ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т.1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г.* М.1973, с. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 42.

¹¹ *Государственный архив Пензенской области*, ф. р-2, оп. 1, д. 25, л. 119–122; д. 29, л. 5–9.

¹² Там же, ф. р-2, оп. 1, д. 25, л. 119–122.

¹³ Там же, ф. р-2, оп. 1, д. 29, л. 6, 7, 10.

П. Макса направил лидеру пензенских большевиков В.В.Кураеву письмо, в котором давалось обещание, что против чехословацких социал-демократов, занимающихся агитацией, не будет применено никаких насилий, а замеченные в подобных действиях лица привлекутся к ответственности по всей строгости военных законов¹⁴. Но все это возможно при условии беспрепятственного продвижения эшелонов на Восток.

Тогда же появляется приказ за подписью командира, русского генерала В. Н. Шокорова и П. Максы, разъясняющий позицию командования Корпуса по данному вопросу. В нем указывалось, что агитации чехословаков-интернационалистов legionерам следует противопоставить только свою агитацию, убеждение, разъяснение, но не насилие. Отмечалось также, что сознательный чехословацкий боец любую агитацию воспримет сознательно и с пониманием. В приказе особо подчеркивалось, что отношение «Чешско-словацкого революционного войска к русскому народу остается прежним. Любовь и пожелание светлого будущего»¹⁵. Стоит сказать, что в течение пензенского периода пребывания Чехословацкого корпуса в России не было случая насилия над агитаторами, во всяком случае, выявленные и изученные нами источники на эти факты не указывали.

Проводившаяся среди legionеров агитация давала свои результаты. По отдельным сведениям, с начала мая 1918 года лишь в районе Пензы из Корпуса ежедневно в среднем добровольно уходило до 20 солдат, пополнявшие затем ?-й чехословацкий революционный полк¹⁶.

Ряд проблем истории Чехословацкого корпуса в Поволжье нами рассмотрены¹⁷. В процессе исследования приходило все большее понимание того, насколько непросто было Корпусу соблюдать тактику нейтралитета в условиях Гражданской войны, все полнее раскрывался драматизм людских судеб, всех стоявших по разные стороны баррикад, одинаково переживавших революционное время. При этом логично напрашивались вопросы: можно ли было избежать открытого военного противостояния, направить процессы по мирному руслу? почему, несмотря на то, что в Пензе весной 1918 года наблюдался явный перевес Корпуса в живой силе и вооружении, наркомом по военным и морским делам Л. Троцким 25 мая 1918 года отдается известный приказ о полном разоружении эшелонов с legionерами?

Уместным будет заметить, что еще до майского приказа Л. Троцкого идея разоружения legionеров выносилась лидерами большевистской партии. В частности, 9 апреля 1918 года И. В. Сталин направляет в Красноярск распоряжение, чтобы местные власти пропускали эшелоны Корпуса «только маленькими частями и с перерывами» и при обязательном условии полной сдачи оружия. Народный комиссар мотивировал такое

¹⁴ Там же, ф. р-2, оп. 1, д. 29, л. 8–8об.

¹⁵ Там же, ф. р-2, оп. 1, д. 19, л. 3.

¹⁶ КРЖИЖЕК, Я.: *Пенза*. Пенза. 1958, с. 177.

¹⁷ РЫБКОВ, А. Г.: *Чехословацкий корпус в революционной России: Новый взгляд на проблему*. In: Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы международной научно-практической конференции (29 октября 2012 года). В 2-х частях. Ч. 1. Прага. 2012, с. 257–260; ОН ЖЕ: *Чехословацкий военный корпус и Саратовская губерния*. In: Постигая прошлое и настоящее: межвуз. сб. науч. тр. Саратов 2012, с. 83–90; РЫБКОВ, А. Г. – ДЕМИДОВА, Е. И.: *Чехословацкий военный корпус в Поволжье (субъективные заметки историков)*. In: Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2012, No. 5(44), с. 192–196; РЫБКОВ, А. Г. – ДЕМИДОВА, Е. И.: *Чехословацкий корпус в контексте военно-политических процессов России 1918 года (на материалах Поволжья)*. In: Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов. 2013, No. 5(49), с. 147–150; РЫБКОВ, А. Г. – ДЕМИДОВА, Е. И.: *Пропаганда в годы Гражданской войны (на примере Чехословацкого корпуса)*. In: Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2014, No. 3(52), с. 108–111.

решение высадкой японского десанта на Дальнем Востоке, тем, что «чехословаки рассматривают себя как французскую армию», а значит, они потенциально опасны¹⁸.

Появление распоряжения И. В. Сталина, как и приказа Л.Троцкого противоречило здравому смыслу. Зачем, спрашивается, создавать новый очаг напряжения на восточном направлении, когда и без него большевистскому правительству приходилось трудно?! Почему была проигнорирована возможность удержания легионеров на позиции нейтралитета?

Ответить на все эти вопросы необходимо, ибо без этого не построить объективной картины происходившего, а представление об истории Чехословацкого корпуса пензенского периода так и останется искаженным догмами. Вместе с тем сразу и однозначно расставить акценты тоже не получится. Пока идет этап накопления источниковой информации, ее осмысления, вырабатываются новые концепции и подходы в исследовании российской истории Чехословацкого корпуса. Предметом научного изучения становятся ранее малоизвестные и неизвестные факты. Все это убеждает, что нужна определенная историческая дистанция, чтобы делать обоснованные выводы и давать оценки.

Однако в любом случае придется принимать во внимание ту объективную военно-политическую ситуацию, которая определилась в 1918 году. Связанные с Чехословацким корпусом события разворачивались не только в условиях борьбы с внутренней контрреволюцией, но и в условиях начавшейся иностранной военной интервенции на территории России. Поэтому столь крупное вооруженное соединение представлялось советским властям серьезной угрозой. Иметь у себя за спиной в тылу боевое формирование считалось невозможным. Можно, конечно, проводить гибкую, построенную на соглашениях политику, но к таковой в тот момент большевики были не готовы. Куда проще и надежнее, полагали они, - разоружить легионеров, а не согласных поместить в концентрационный лагерь или даже расстрелять. Именно так предписывал приказ Л. Троцкого командующим фронтами¹⁹.

Сказывалось также отсутствие постоянной и надежной связи отдаленных территорий с центром. Не всегда информация о военно-политическом положении на местах своевременно доходила до республиканских органов власти. Динамика событий опережала возможности связи, нередко поступавшие указания запаздывали, не соответствовали сложившемуся новому раскладу военных сил и средств.

¹⁸ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г.* М.1973, с. 63.

¹⁹ *Известия Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.* 1918. 7 июня.